

В щелях между плитами из синего камня, среди сухой пыли, несколько муравьёв тревожно метались туда-сюда, словно потеряв направление. В летнем горном лесу из-за влажного воздуха даже ночь не казалась по-настоящему спокойной.

Без единого искусственного источника света густая чернота неровными пластами уходила в глубь тёмного леса. Не было видно ни зги.

Но для Цзян Лэ всё это выглядело иначе. Лунный и звёздный свет, скрытый за плотными облаками, для него всё равно был достаточно ярким. В его глазах весь горный лес предстал сочным, чётким и контрастным, почти как при дневном свете.

Потоки ощущений вокруг накатывали на Цзян Лэ, как бурные волны, но при этом его духовная сила точно отсеивала и контролировала каждый поток.

Стоило ему слегка опустить глаза, и муравьи будто почувствовали этот взгляд: они тут же юркнули обратно в муравейник. Под деревом с искривлёнными ветвями, на обратной стороне листа низкого кустарника, который качался на ветру, зелёная гусеница объедала лист. В глубине леса, на паутине, висящей в воздухе, капля росы, готовая сорваться, смутно отражала лунный свет. След, оставленный ползущей улиткой, в глазах Цзян Лэ сиял, как фонарь.

Цзян Лэ чуть повернул голову, и бесчисленные звуки хлынули к нему в уши.

Ветер. Бесконечные разновидности ветра. Ветер, скользящий по листьям. Ветер от взмахов крыльев летящих насекомых. Ветер, пробегающий по воде. К нему примешивался шорох дождевых червей, ползущих глубоко под землёй, жевательные звуки насекомых, которые ели в темноте, и влажный едва слышный шелест змей, скользящих по слою прелых листьев.

Он вдохнул. Холодный аромат сосновой хвои, проступивший вместе с ночной росой, ударил в нос. Дикая ягода, неожиданно упавшая на землю после того, как её наполовину обгрызли, всё ещё тонкими струйками источал сладость. Даже в деревне за несколько километров от него, запах прогоревших дров, остаточный запах раскалённого солнцем цемента на площадке для сушки, близкие и дальние запахи — все они были точно пойманы его заново эволюционировавшими чувствами.

На какое-то мгновение Цзян Лэ показалось, что он сам стал порывом ветра, плывущим в воздухе, стал одним из запахов и без малейшей неестественности слился с природой. Превратился в сухой лист, в заросший мхом камень, в часть земной экосистемы. Вместе с ней он стал частью той перемены, которая уже происходила.

Лишь когда Цзян Лэ убрал всё восприятие, окрестности медленно снова погрузились в привычные тишину и темноту, возвращаясь к прежнему виду.

После перехода со 2-го уровня на 3-й у него снова усилилось сенсорное восприятие. Кроме того, все живые существа теперь выглядели для него иначе. Над ними больше не просто отображался уровень. В зависимости от свойств они окрашивались в разные цвета.

Успешно мутировавшие растения излучали яркое красное свечение, предвещавшее опасность. Высохшие и сгнившие лозы, проигравшие в этой борьбе природы, были серыми, цвета смерти и упадка. Только обычные живые существа, которые ещё не успели мутировать и не были поглощены энергией мутантов, светились бледно-зелёным.

Цзян Лэ достал телефон. На нём было много непрочитанных сообщений. Если не считать бесполезных уведомлений, все остальные прислал Мао Сяофэй.

Хотя перед уходом Цзян Лэ предупредил Мао Сяофэя, что сам не знает, на сколько дней уезжает, и в эти дни ему будет неудобно смотреть телефон и отвечать на сообщения, Мао Сяофэй всё равно каждый день, приходя на ферму, присылал ему фото для отчёта. А уходя, отправлял ещё один снимок информационной доски, где не оставалось незавершённых задач.

«Брат Цзян, ферма у тебя просто потрясающая. Эта информационная доска правда может в реальном времени следить за работой на каждом участке. Указания очень понятные!»

«Это ведь как раз то, что сейчас в интернете называют высокими технологиями, современным производством?»

Было девять вечера. Цзян Лэ направился к ферме. Изначально он собирался только проверить её состояние и потом отдохнуть. В системе он мог видеть данные фермы, но никакие данные не давали такого спокойствия, как осмотр собственными глазами.

Однако, добравшись до фермы, он неожиданно обнаружил, что в такой час Мао Сяофэй всё ещё там. Пыхтя, тот сооружал навес.

— Сяофэй? — окликнул его Цзян Лэ.

Мао Сяофэй держал в зубах фонарик, а в руках сжимал бамбуковую жердь. Услышав голос, он поднял голову, сначала радостно промычал что-то невнятное и только потом сообразил вынуть фонарик изо рта.

— Брат Цзян! Ты вернулся!

Свет фонарика скользнул от ресниц Цзян Лэ к его ботинкам, а потом снова остановился на лице.

Мао Сяофэй немного растерялся. Брат Цзян вроде бы оставался тем же братом Цзян, но в нём явно появилось что-то другое. Если бы Мао Сяофэю пришлось описывать это, его скудного словаря хватило бы только на одно: он будто стал ещё красивее. И без того высокий, стройный, с лицом тонким и отстранённым от мирской суеты, теперь он приобрёл ещё несколько оттенков недоступной, не допускающей фамильярности дистанции.

Цзян Лэ спросил:

— Почему ты так поздно ещё здесь?

По материалам у Мао Сяофэя под рукой и по свёрнутой циновке рядом было видно, что он, похоже, хотел на скорую руку соорудить себе навес и переночевать прямо здесь.

Мао Сяофэй испытал неловкость человека, которого застали с поличным. Он почесал волосы и объяснил:

— Эти два дня дома как-то беспокойно спится. Всякие мелкие букашки ползают, кусают и днём и ночью. Вчера в дом ещё две змеи заползли, головы треугольные и приплюснутые, сразу видно, жутко ядовитые. Я аж подпрыгнул от страха.

— У нас в деревне за эти дни только от змей и крыс уже трое-четверо пострадали. Змеи ещё куда ни шло, но крысы тоже... что это вообще такое? В прежние годы такое и за несколько лет один раз случалось, а теперь. Зато днём, когда я здесь работаю, заметил, что на ферме прохладно и тихо, между грядками даже мелкой мошкары нет. Вот и подумал: переночую

здесь. Когда я был маленьким, дед сажал арбузы и боялся, что их украдут, так тоже спал прямо в поле. Я тоже спал, привык уже...

Мао Сяофэй украдкой посмотрел на лицо Цзян Лэ, подхватил свёрток с постелью и нерешительно сказал:

— Тогда я лучше домой пойду спать.

Сейчас все странности в поведении животных появлялись лишь потому, что энергия метеоритов постепенно оседала в их телах. Мутируют они или нет, она всё равно разъедала их прежнее мышление: ресурсы ограничены, чтобы стать сильнее, нужно грабить и убивать.

Каждое живое существо в пределах своих возможностей начинало проявлять огромную агрессию.

С момента падения метеоритов прошло ещё не так много времени. Когда пройдёт половина месяца, влияние метеоритов проявится впервые по-настоящему: начнут появляться зомби, и это вызовет первую малую волну глобального хаоса.

К счастью, увидев Мао Сяофэя, Цзян Лэ по едва заметному красноватому свечению вокруг него понял, в какую сторону идут его изменения. Мао Сяофэй не станет зомби. С большой вероятностью он превратится в обладателя какой-то сверхспособности.

Цзян Лэ не позволил Мао Сяофэю действительно спать на ферме. В принципе, это было возможно, но для начала всё же стоило построить там нормальный домик. Он велел Мао Сяофэю пойти с ним обратно в старый дом семьи Цзян и лечь в главном зале.

То, что Мао Сяофэй считал ферму более безопасной и тихой, не было иллюзией. И культуры, и домашняя птица на ферме ещё не были слишком высокого уровня, но огурцы, помидоры и другие растения после повторных сборов и посадок уже достигли 2-го уровня. По сравнению с внешними растениями и животными, которые только начали мутировать, 2-й уровень всё ещё обладал пугающей силой. Обычные существа не решались легко приближаться.

А в старом доме семьи Цзян таким сдерживающим фактором был сам Цзян Лэ.

По дороге назад Мао Сяофэй кратко рассказал Цзян Лэ о том, что в эти дни происходило вокруг.

Интернет-шум вокруг метеоритов уже схлынул. Отношение людей постепенно сменилось: от первых наблюдений, любопытства и возбуждения оно перешло к подозрениям и смутной панике. Всевозможные теории заговора летали повсюду.

Горячие видео в соцсетях сменились странными, видимыми невооружённым глазом аномалиями.

Искажённые растения на домашних балконах, лягушки, чья внешность стала пёстрой до невозможности, листья, сделавшиеся настолько твёрдыми, что могли перерубить деревянный брусочек... Всё это уже выходило за рамки прежних представлений людей.

Но больше всего большинство людей изматывала волна болезней. Маленькие клиники, районные медпункты, частные и государственные больницы были забиты теми, кто пришёл лечиться.

У пожилых хронические болезни, прежде державшиеся под контролем, будто нажали на педаль ускорения. Привычные таблетки больше не приносили ни облегчения, ни уверенности. Среди детей летом вспыхнули сезонные болезни, которые обычно встречались осенью, зимой или ранней весной. Педиатрические приёмы и отделения неотложной помощи оказались забиты тревожными родителями и плачущими детьми. Даже офисная молодёжь в своих кабинках не знала покоя. В организмах, и без того давно живших в состоянии субздоровья, невидимая сила вытянула наружу скрытые повреждения. Доля головных болей, температуры, бессонницы и тревожности резко выросла.

На разных фермах животные либо сходили с ума, либо беспричинно умирали. Даже если сегодня всё было нормально, никто не мог поручиться, что завтра внезапно не начнутся проблемы. У овощеводов было то же самое: свежие овощи, раньше стабильно поступающие каждый день, покрывались всевозможными поражениями, большие участки листьев засыхали. А у тех овощей, что на вид оставались нормальными, даже выглядели лучше обычных плодов и зелени, вкус стал странным: либо горьким, либо острым, почти несъедобным.

Цзян Лэ спокойно выслушал рассказ Мао Сяофэя. Лицо Мао Сяофэя было тревожным. Слово ища опору, он спросил:

— Брат Цзян, потом ведь всё должно вернуться в норму? Я видел в новостях: власти уже приводят в движение прежние резервы и не позволяют ценам слишком сильно расти.

Цзян Лэ не ответил на вопрос. Он лишь похлопал Мао Сяофэя по плечу и сказал:

— Спи.

Хотя Цзян Лэ не дал ему ясного ответа, его спокойное выражение всё же немного утешило Мао Сяофэя. После целого дня тяжёлой работы Мао Сяофэй на бамбуковой лежанке очень скоро уснул.

Цзян Лэ пока не хотелось спать.

Всё, что сейчас происходило во внешнем мире, лишь повторяло то, что он уже пережил в прошлой жизни. В этом не было ни одной детали, способной его удивить. Он знал, сколько усилий когда-то предпринимали власти, как бесчисленное множество раз пытались организовать спасение и сплотить людей. Иначе после падения метеоритов порядок не продержался бы три месяца до полного распада. Ведь большинство стран не смогли продержаться даже один полный месяц и уже погрузились в окончательный хаос.

Но перед заново переписанными законами природы человеческие силы в конце концов всё равно ничего не значили. Нельзя было протестовать, некому было жаловаться. Выживание или исчезновение: эта жестокая перемена уже, открыла занавес прежде, чем люди успели опомниться, и остановить её было невозможно.

Понимая всё это, Цзян Лэ не собирался предаваться печали. Он хотел только выжить в новом мире.